

Валерий Брюсов

Разносторонность Пушкина

Валерий Яковлевич Брюсов

Разносторонность Пушкина

«Что поражает в Пушкине и на что, кажется, все еще недостаточно обращали внимание, это – изумительная разносторонность его интересов, энциклопедичность тех вопросов, которые занимали его.

Достаточно бегло пересмотреть сочинения Пушкина, чтобы отметить, что в его стихах, повестях, драмах отразились едва ли не все страны и эпохи, по крайней мере, связанные с современной культурой...»

Валерий Брюсов

Разносторонность Пушкина

Что поражает в Пушкине и на что, кажется, все еще недостаточно обращали внимание, это – изумительная разносторонность его интересов, энциклопедичность тех вопросов, которые занимали его.

Достаточно бегло пересмотреть сочинения Пушкина, чтобы отметить, что в его стихах, повестях, драмах отразились едва ли не все страны и эпохи, по крайней мере, связанные с современной культурой.

Античный мир восстает в переводах из поэтов древнегреческих (Сафо, Анакреонт, Ион, Афеней, Ксенофан) и римских (Катулл, Гораций), в подражании Ювеналу «К Лициниго», в образе Овидия из «Цыган», в таком замысле, как «Египетские ночи». Древний Восток звучит в подражаниях «Песни песней», в отрывке «Юдифь», в «Гаврилиаде». Мир ислама жив в «Подражаниях Корану», в подражаниях арабскому, Гафизу, турецкому; мусульманский Крым, мусульманский Кавказ – в поэмах, посвященных им («Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Галуб»), во многих лирических стихотворениях. Европейское средневековье ярко изображено в «Скупом

рыцаре», в «Сценах из рыцарских времен», намечено в программах неоконченных произведений.

Почти все страны и народы новой Европы представлены в образах их поэзии или в самостоятельных созданиях: Испания – в трех испанских «романсах», в «Каменном тосте», в отрывках «Родриг», «Альфонс»; Италия – в переводах из Ариосто, Пиндемонте, Альфиери и др., в «Подражаниях Данту», в «Анджелло», в стихах о Венеции и др.; Франция – в стихах ряда ее поэтов, Кл. Маро, Вольтера, Парни, А. Шенье и др., в 1-й главе «Арапа Петра Великого»; Англия, не говоря уже о «байронизме» и «шекспиризме» у Пушкина, – в подражаниях Барри Корнуэлю, Т. Муру, Вордсворту, Соути, в «Пире во время чумы»; Германия, казалось бы, чуждая Пушкину, – в «Сцене из Фауста», в «Моцарте и Сальери», в набросках «Мария Шонинг»; Шотландия – в «Шотландской песне»; Португалия – в песне Гонзаго; Литва и Польша – в переводах из Мицкевича; западное славянство – в его «Песнях», и т. д. Вникая подробнее, можно было бы присоединить к перечню и Финляндию

(«Вадим»), и Американские Соединенные Штаты («Дж. Теннер»), и дикие страны («Ан-чар»), и многие другие.

Естественно, что с еще большей полнотой захвачена в творчестве Пушкина его родина. В поэзии Пушкина проходят картины всех областей России, не только ее центральной части, которую он особенно хорошо знал (длинный ряд лирических стихотворений, «Евгений Онегин», «Граф Нулин», повести и пр., и пр.), но и всех ее окраин, от берегов Финского залива («Медный Всадник») и от Немана (из Мицкевича) до Черного моря, Крыма, Кавказа и Закавказья (Грузия, Арзрум), через Малороссию («Полтава»), через Бессарабию («Цыгане»), по Дону, по Уралу, по Волге, сливаясь иногда в одной роскошной панораме («Путешествие Онегина»).

Так же полно представлена вся русская история. Мы видим древнейшую, былинную Русь – в «Песне о вещем Олеге», в сказках, отчасти в «Вадиме» (Новгород); Русь московскую – в «Русалке», в «Борисе Годунове»; восстание Разина – в песнях о нем; революцию Петра – в «Медном Всаднике», в «Полтаве»,

в «Арапе» и др.; пугачевщину – в «Истории Пугачева», в «Капитанской дочке»; 1812 год к затем годы Александра I и Аракчеева – в ряде стихотворений и эпиграмм, в наброске «Рославлев», в том же «Всаднике»; общий обзор русской истории – в «Родословной моего героя»; наконец – Россию современную Пушкину.

Эту Россию 20-х и 30-х годов Пушкин сумел изобразить, за краткое, в сущности, время своего творчества (20 лет), со всех сторон. Один «Евгений Онегин» может служить энциклопедией всей русской жизни 1817–1825 годов. Быт дворовых и крестьян (образ няни Татьяны, «песня девушек» с объяснением к ней, попытка Онегина облегчить барщину и многое другое), помещичья жизнь, старая «грибоедовская» Москва (гл. VII), купечество («Путешествие»), придворный круг (гл. VIII–IX), освободительное движение, приведшее к 14 декабря (сожженная X гл.), и еще многое иное вместились в рамки «свободного романа». Рядом мы находим мелкое чиновничество в «Медном Всаднике» и в «Домике в Коломне»; находим нравы во-

енного класса в «Выстреле», в «Пиковой даме»; – новую вольницу в «Дубровском»; типы духовных, актеров, литераторов, разных «простолюдинов» и др., рассеянные там и здесь; – замысел изобразить все вообще классы общества, сверху донизу («Русский Пелам»), наконец, несчетное число черт для характеристики русской жизни, – в балладах и лирических стихотворениях (например, «Утопленник», «Гусар», «Осень», «Каприз» и т. д.).

При этом Пушкин-художник как бы намеренно спешит испробовать на русском языке все формы, все виды поэтического творчества. Не только он пишет и чисто лирические стихотворения, и поэмы, и эпиграммы, и сатиры, и повести, и романы, и трагедии, и драмы, и комедии, и т. д.; но он как бы ревниво хочет усвоить себе все встречаемые им образцы. То он подражает арабской песне, то испанскому романсу, воспроизводит то терцины Данте, то октавы Байрона, то сонеты Вордсворта; рядом со складом народных русских и сербских стихов пробует сложные строфы Б. Корнуэля; подражает речи раешника («Сказка о Балде»); перенимает манеру порту-

гальской частушки («Из Гонзаго»); пробует писать комедию стихом лжеклассиков («Отрывки из комедии»); начинает переводить то «Девственницу» Вольтера, то монолог из трагедии Альфиери; сам, наряду со стихами, мастерство которых в безыскусственности («Птичка Божия», «Кто при звездах»), строит изысканнейшие строфы, где, например, рифмы чередуются через две («Не розу пафосскую»), и т. д.

Все это – в пределах художественного творчества Пушкина. Но почти половина (по объему) всего написанного Пушкиным принадлежит его «прозе», работам историческим, критике, журнальным статьям, заметкам, письмам. Если обратиться к этому материалу, мы найдем все ту же «всеобъемлемость» пушкинского гения.

Можно утверждать, что по заметкам и письмам Пушкина, по суждениям, оброненным им в стихах и в прозе, легко восстановить всю историю литературы от ее истоков до начала XIX века, от Гомера до В. Гюго и А. де-Мюссе. Мало найдется значительных писателей, о которых Пушкин, там и здесь, не вы-

сказал своего мнения. Тем более это верно для русской литературы, современной Пушкину: над всеми писателями своих дней, так или иначе, он произнес свой суд, строгий, но оправданный историей. Вспомним, что Пушкин перед всеми отстаивал поэзию Боратынского; открыл Тютчеву свой «Современник», приглашал в него Белинского, приветствовал дарование Гоголя; всячески старался напомнить русскому обществу о Радищеве; напротив, не захотел обратить внимания на Бенедиктова, и т. п.

Но Пушкина привлекала не только история литературы (напомним его исследования о «Слове о полку Игореве») и критика; в равной мере он интересовался вопросами языка и грамматики (ряд заметок) и вопросами поэтики (например, его глубокие замечания о драме). В то же время Пушкина вообще увлекала журнальная деятельность: работая в «Литературной газете», составляя план «Вестника» (предполагавшейся им политической газеты), создавая «Современник», он показал, как понимал значение прессы и как надеялся через нее поднять культур-

ный уровень русского общества.

Всего этого мало: не забудем, что Пушкин был также историк; состав его библиотеки доказывает, как широко и как внимательно он ее изучал. Многие месяцы, вернее годы, своей краткой жизни отдал Пушкин работе в архивах и иным историческим изысканиям. Нетрудно критиковать «Историю Пугачева», но должно помнить, что перед автором стоял призрак цензора – Николая I (запретившего, например, пушкинское заглавие). Во всяком случае, в своем труде Пушкин собрал материал огромный, так же, как позднее для первых глав «Истории Петра». В то же время он мечтал писать историю Малороссии, историю Камчатки; усердно собирал черты из быта нашего прошлого («Анекдоты», «Table Talk»); набрасывал очерк западного феодализма; записывал сведения о ходе греческого восстания, и т. д.

Пришлось бы говорить слишком долго, если бы захотеть перечислить все вопросы, которых касался Пушкин в своих трудах, заметках, письмах. Много места отведено в них политике. Революционер в своей юности, не от-

казавшийся до конца жизни от «вольнoлюбивых» идей, как то показывают и новейшие исследования (X глава «Евгения Онегина» и др.), Пушкин живо и метко судил, – поскольку то было возможно в пределах цензуры и перлюстрации писем, – о всех политических событиях своего времени. Но рядом мы встречаем заметки полугеографические и полуэтнографические («Путешествие в Арзрум», «Джон Теннер»), по вопросам изобразительных искусств, по психологии, даже по медицине (о холере), по математике (форма цифр) и т. д.

В этом беглом обзоре мы рассматривали сочинения Пушкина только с их внешней стороны. Но не меньшее, вернее – большее, богатство представилось бы нам, если бы мы попытались вскрыть их идейное содержание. Пушкин за свою жизнь пережил как бы три литературных школы: в юности еще платил дань лжеклассицизму, в 20-х годах был борцом за романтизм, во вторую половину деятельности положил начало русскому реализму. Но Пушкин как бы предугадывал дальнейшее развитие литературы; у него уже есть создания, по духу, по настроениям близкие

к поэзии символистов конца XIX века («В начале жизни», «Гимн чуме», «Не дай мне Бог» и др.); более того – в одной заметке он как бы предупреждает доводы современных «левых» течений («Есть два рода бессмыслицы...» и т. д.).

Очень многие, замечательнейшие создания позднейшей русской литературы – лишь развитие идей Пушкина. Сами того не подозревая, литературные борцы за эмансипацию женщины 60-х годов – подхватывали призыв Пушкина: он наметил эту тему в «Рославлеве», в отрывке «Гости съезжались», в «Египетских ночах», особенно в программе драмы «Папесса Иоанна». Зависимость от Пушкина Гоголя – очевидна («Ревизор», петербургские повести). Основная идея «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых» Достоевского – та же, что «Медного Всадника», основная идея «Анны Карениной» Толстого – та же, что «Цыган»; так называемые «богоборцы» начала XX века – сами признавали свое родство с Пушкиным, и т. п. Пушкин словно сознавал, что ему суждена жизнь недолгая, словно торопился исследовать все пути,

по которым могла пойти литература после него. У него не было времени пройти эти пути до конца; он оставлял наброски, заметки, краткие указания; он включал сложнейшие вопросы, для разработки которых потом требовались многотомные романы, в рамку краткой поэмы или даже – в сухой план произведения, написать которое не имел досуга. И до сих пор наша литература еще не изжила Пушкина; до сих пор по всем направлениям, куда она порывается, встречаются вехи, поставленные Пушкиным, в знак того, что он знал и видел эту тропу.

1922